

и левый уклон, на космополитов и патриотов и т.п.), противопоставления политических и общественных сил, которая препятствовала формированию в России терпимости к инакомыслию, толерантности, тормозила и продолжает тормозить утверждение идей правового государства, гражданского общества, демократических традиций.

Все это, как и неизбежная «логика истории», определяет тенденции развития современного российского дискурса прав человека, среди которых можно отметить такие, как: 1) кризис либеральных ценностей, в частности, либеральной концепции прав человека в целом (индивидуализации личности, толерантности к другим культурам, др.); 2) приоритет гражданских и политических прав в значительной степени в ущерб социальным и экономическим правам; 3) готовность граждан отказаться от ряда демократических свобод ради достойного уровня жизни, которая сочетается с готовностью власти отмежеваться от недавних, а потому неустойчивых демократических завоеваний ради обеспечения государственной и общественной безопасности, правопорядка. Избирательность и поспешность в освоении либеральных ценностей и демократических традиций оборачивается сегодня для российского общества бумерангом, что вызывает серьезные опасения. Исторический дискурс прав человека в мире (особенно в XX в., когда демократия более семидесяти раз терпела поражение)⁵, свидетельствует о том, что такие тенденции вполне реальны и естественны для молодых демократий.

Противостоять этим негативным тенденциям, возможной трансформации демократии в авторитарный или тоталитарный режим должны прежде условия, которые благоприятны для развития демократических институтов: 1) демократическая культура; 2) «современная рыночная экономика и общество»; 3) «слабо выраженный субкультурный плюрализм»; 4) «отсутствие сильной зависимости от иностранной державы, враждебной демократии»; 5) «контроль над армией и полицией, осуществляемый выборными должностными лицами»⁶. Наряду с этим «шансы на установление

стабильной демократии увеличиваются в тех странах, где политические лидеры и рядовые граждане оказывают мощную поддержку демократическим идеям, ценностям и процедурам, ... страна обладает политической культурой демократии»⁷.

Сегодня в России развитие политических событий зависит от того, способны ли демократические институты пережить кризис или нет. Огромную роль в этом, в придании имеющимся демократическим институтам стабильности и устойчивости, на наш взгляд, должны сыграть гражданские инициативы и гражданский контроль деятельности государственных, прежде всего, силовых структур. Среди гражданских инициатив нужно отметить в первую очередь два направления: 1) формирование новых общественных, в том числе, правозащитных организаций, профессиональных ассоциаций как базовых институтов гражданского общества; 2) увеличение числа граждан, стремящихся защитить свои права и свободы; так, статистика свидетельствует, что Россия уже вышла на первое место в мире по числу обращений российских граждан в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге (Совет Европы) и тем самым обошла Турцию, долгое время занимавшую этот «пьедестал». Рост гражданских инициатив, усиление авторитета гражданского контроля, на наш взгляд, являются базовыми основами успешной деятельности демократических институтов и главными векторами развития современного российского дискурса прав человека.

¹ Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: К постановке проблемы // Государство и право. 2000. №10. С.43

² Там же.

³ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С.427.

⁴ Пантин И.К. Историческая драма русского либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С.99, 105.

⁵ Даль Р. О демократии. М., 2000. С.139.

⁶ Там же. С.141

⁷ Там же. С.150-151

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ВЛАСТИ А. ЗИНОВЬЕВА

Е.В. Катышевцева

Одной из актуальных тем философского анализа феномена власти является проблема ее «локализации», или проблема определения ее границ. В аспекте социально-институционального исследования названная тема реализуется в анализе механизмов разграничения публично-властных полномочий государства, классическим вариантом обоснования которых явилась концепция разделения властей, сформулированная Дж. Локком еще в XVII в.

В русской философско-правовой немарксистской традиции XIX — начала XX вв., представлявшей собой в целом синтез славянофильства и западничества, отводившей большое место социальной роли государства, последнее рассматривалось как высший и справедливый порядок. Это определяло достаточно прохладное отношение целого ряда отечественных мыслителей (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич) к проблеме «сдержек и противовесов», функцию которых в от-

Елена Валерьевна Катышевцева,
кандидат исторических наук,
доцент, докторант УрГУ, г.Глазов

ношении центральной самодержавной власти могли, по мнению, например, В.С. Соловьева исполнять лишь первосвященники церкви и пророк [1; 88-89].

Нет нужды специально говорить о том, что в рамках советского общественно-политического знания проблема ограничения коммунистического государства никогда не была актуальной. Значительный интерес на фоне обозначенных позиций представляет концепция власти А.А. Зиновьева, являющаяся оригинальным развитием обеих обозначенных традиций в отечественной философско-правовой мысли. Рассматривая власть как специфический, обеспечивающий доступ к социальным благам и гарантирующий ресурс, Зиновьев говорит об экзистенциально-эгоистической природе власти, что определяет ее изначальное стремление к единству. В свою очередь, стремление власти к единству, считает философ, адекватно и экзистенциальным потребностям управляемого властью социума, заинтересованного в самосохранении в качестве единого целого. «Управляющий орган должен быть один, — пишет философ, — если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным» [5; 209].

Исходя из основополагающего для него принципа единства власти, Зиновьев определяет свое отношение к локковской теории, формирует свою концепцию «трех великих разделений властей». Последняя раскрывает историческое развитие власти как ее «вертикальную» динамику, связывая проблему пределов власти не столько с деятельностью функционально разделенных властей, сколько с исторической диалектикой иерархии управляющих и управляемых, а также с ее естественно-эволюционными пределами. (Первое великое разделение властей» означает, согласно гипотезе Зиновьева, двуединый процесс, представляющий собой «образование системы власти в сферах», сопровождающееся образованием в ходе «борьбы различных властей за власть над всем человеческим, за доминирование в системе власти» [3; 198], ее нового структурного уровня — государственной власти.

«Второе великое разделение властей в истории общества» философ отождествляет с разделением власти на законодательную и исполнительную (в США данное разделение дополняется выделением судебной ветви власти). Анализируя данный историко-правовой факт применительно к XX, XXI вв., философ не склонен разделять энтузиазм создателей данной концепции (Локк, Монтескье) в аспекте ее основного компонента (системы «сдержек и противовесов»). Напротив, считает Зиновьев, разделение власти на ветви «можно истолковать не как средство ограничения власти, а как показатель единства власти, внутренне расчлененной в силу разделения функций. Об этом, по мнению философа, говорит тот факт, что «в правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно — законодательная» [3; 318].

Размышляя таким образом, Зиновьев идет в русле русской философии права. Так, В.С. Соловьев по данному вопросу пишет буквально следующее: «Ясно, что эти три различные власти ...при всей своей необходимой *раздельности* (дифференциации) *не могут быть разобщены*..., так как они имеют одну и ту же цель: правомерное служение общему благу. Это их единство имеет свое реальное выражение в одинаковом их подчинении единой верховной власти» [1; 117]. «Единственность» государственной власти «несмотря на все свои разветвления» [2; 137] является, согласно И.А. Ильину, *второй аксиомой*

власти. Обозначенный подход позволяет Зиновьеву говорить о «поверхностности» «западного плюрализма». «Он есть плюрализм в рамках единства власти. Тут имеются элементы власти, так или иначе делающие ее единственной в человеческой, несмотря на спектакли демократии» [3; 124]. Соответственно, «поведение Сталина, до сих пор вызывающее возмущение, — отмечает Зиновьев, — было закономерным и целесообразным с точки зрения интересов системы власти и страны» [3; 123-124].

Ограничение произвола власти философ усматривает «лишь вовне, а именно — в других властях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей» [3; 155]. В аспекте конкретных механизмов «сдержек и ограничения власти» это означает не «рутину» деятельности функционально разделенных властей, а «творчество» каждодневной социальной борьбы, перманентно воспроизводимой в мире социальных атомов. Вполне понятно, что гарантом равновесного состояния мыслимого таким образом общества становится, по Зиновьеву, *государство* как правовая форма механизма целостности и самосохранения социума.

Принципиально новым философско-правовым открытием Зиновьева является его концепция «третьего великого разделения властей». Осмыслив теоретически систему властных отношений в условиях глобализирующегося мира, Зиновьев квалифицирует ее как выделение над государством более высокого уровня власти, возникновение «власти над властью» или «сверхвласти» [3; 223].

Явление «сверхвласти», датируемое философом второй половиной XX — началом XXI вв., рассматривается им не как некий отрицательный, негативный тип власти, противостоящий положительному, позитивному типу власти, наподобие платоновского «отрицательного» типа государства (тимократия, олигархия, демократия и тирания), противостоящего государству идеальному, а как конкретный, обладающий сущностной определенностью социальный феномен. Соответственно категория «сверхвласть» не носит в контексте рассуждений философа эмоционально-оценочного, а имеет квалификационно-содержательный характер. «Сверхвласть», по Зиновьеву, — это конкретно-историческая форма существования власти, имеющая своего субъекта и обладающая конкретной пространственно-временной локализацией.

Философ выделяет основные обстоятельства, определившие возникновение феномена «сверхвласти». К ведущим среди них он относит закономерную эволюцию миров обществ (цивилизаций), с выходом их на новую эволюционную ступень в современном мире, характеризующуюся исчезновением «возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течении длительного времени» [3; 280] и приводящую к борьбе этих объединений за ресурсный потенциал и среду обитания.

Возникновение тенденции универсального мирового порядка является, согласно Зиновьеву, следствием формирования особого специфического типа цивилизации, добывающей «баснословного» социального прогресса, причем «на пути собственного уничтожения», [3; 280], а значит, и на пути уничтожения неких традиционных историко-культурных оснований вообще. Речь в данном случае идет о западной цивилизации, осмысливаемой философом в духе веберовской идеи западноевропейской «рационализирующей» культуры, добывающей своей эффективности за счет ослабления механизмов «внутренней организации» социума (для Макса

Вебера — это означает «расчеловечение», «овеществление», «потерю личности», «утрату души» [6; 139]; для Зиновьева — это означает «деятельность по приспособлению менталитетных способностей людей к интересам» [3; 583] организующей их системы путем сверхрационализации человека и превращения его в «социобиологического робота» [3; 608]), а также за счет усиления механизмов его «внешней организации» (для Вебера — это тождественно «бюрократизации», «индустриализации», «интеллектуализации», «развитию рационального производственного капитализма», «овеществлению», «методизации», «секуляризации», «расчеловечению» [6; 137], для Зиновьева — это предполагает возникновение организующего все названные и многие другие процессы «сверхвласти»).

Интересно сопоставить оценки, даваемые обоими философами, конструируемому в рамках означенного социального «творчества» «человекину». По Веберу, «рационализация иррационального» в западно-европейском социуме приобретает вид «иррациональности рационализации» [6; 139]. По Зиновьеву, возникающие здесь соответствующие социальные образования — «сверхобщества» — «сверхрациональны». «Они поглощают рационализм обществ, но организуются... уже не по законам рациональности» [3; 190]. Последнее обстоятельство позволяет философу уточнить концепцию «рационализующей» культуры М. Вебера, выделив в ней этапы: «западноевропейскую культуру и культуру западнизма» [3; 381].

Возникновение «сверхвласти» за пределами «западнистского» социума обусловлено, по Зиновьеву, попытками иных социокультурных типов цивилизаций «защититься от претензий Запада» [3; 448], развив «конкурирующий вариант эволюции человечества» [4; 30]. Наиболее завершённую форму эти попытки, считает философ, получили в рамках советского коммунизма, где Советская власть сложилась как эталонный пример «единства государственных и сверхгосударственных элементов власти» [3; 438], где сама государственная власть формировалась «сверхвластью». Признавая факт того, что эпоха «сверхвластных» социальных структур «еще только наступает» [3; 283], Зиновьев определяет главный индикатор наличия в современном социуме сверхвластных образований. Таковым, согласно ученому, является сверхрациональная по масштабам и технологиям социально-инженерная практика коммунизма и «западнизма» («делание будущего» [3; 298]), предполагающая адекватный тип осуществления ее власти — «сверхвласть».

Исследователь обосновывает основные признаки, позволяющие идентифицировать явление «сверхвласти». К ним он относит: 1) Разрастание сверх всякой меры обычной (традиционной) государственности, обслуживающего ее политического класса и государственно-правовых механизмов. 2) Возникновение качественно нового уровня власти, властной надстройки над государством («сверхгосударства»), над экономикой («сверхэкономикой»), над правом («сверхправа»), обладающей «негосударственными средствами» [4; 41] принуждения и управления нижестоящими уровнями власти. 3) Возникновение и утверждение «сверхидеологии» в качестве «могущественного инструмента формирования чувств и вкусов огромных масс людей» [4; 56], а значит, в качестве ведущего внутреннего механизма социального регулирования.

Анализ Зиновьевым феномена «сверхвласти» приводит его к выводу о том, что формирующаяся

на наших глазах «+» система «не содержит в себе не крупницы демократической власти. Тут нет никаких политических партий..., преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров... Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества» [3; 239].

Обоснованная Зиновьевым концепция «трех великих разделений властей» позволяет философу осмыслить этапы всемирного процесса структурирования власти в рамках ее принципиального единства. Так, первый этап, означает возникновение адекватной обществу политической (государственной) формы власти, второй — ее структурную дифференциацию, специализацию и спецификацию и, соответственно, третий — «как бы слияние в единое целое подразделений и функций социальной организации человека, которые имели место в недифференцированном или слабо дифференцированном виде в предобществе и достигли предела дифференцированности в обществе» [3; 597].

Обозначенная философом диалектика отношений власти свидетельствует о возрождении в современном мире «дообщественных», «догосударственных», «доправовых» ее форм, актуализируя профетическое предвидение В.С. Соловьева о возможности утраты социумом его «истинного единства» и утверждения единства «ложного, отрицательного», которые «подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотой» [7; 552]. Это определяет неоперациональность изучения новейшего феномена власти сквозь призму государственно-институциональной политической традиции, девальвацию самих традиционных западных политико-правовых ценностей («правовое государство», «демократия», «разделение властей»), которые в условиях «западнистской сверхвласти» утрачивают какую бы то ни было действенность, превращаясь в «средство манипулирования массами» со стороны «совсем не демократического режима» [3; 631]. Идеологическим форматом целей и устремлений «западнистской сверхвласти» становится рафинированный популизм, маскирующий «практические меры к тому, чтобы помешать другим народам развить в себе качества, которые имеют существенное значение для цивилизации и благодаря которым они могли бы достичь уровня народов Запада и даже превзойти их» [3; 613-614].

Признавая закономерность рассматриваемой эволюции («без «вертикального структурирования» материи вообще невозможно никакое развитие, никакой эволюционный процесс» [3; 308]) философ обращает внимание на то, что единственным реальным пределом претендующей на неограниченность «сверхвласти» все больше становится сам «механизм социальной эволюции человечества» [3; 304].

¹ Власть и право: Из истории русской правовой мысли. — Л., 1990.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. — М., 1993.

³ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. — М., 2000.

⁴ Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск. — М., 2000.

⁵ Зиновьев А.А. Логическая социология // Феномен Зиновьева. — М., 2002.

⁶ Немецкая социология. — С.-Птб., 2003.

⁷ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соч.: В 2 т. — М., 1988. Т.2.